

ЗАТОЧЕННЫЙ С ФАРАОНАМИ

I

Одна тайна притягивает к себе множество других тайн. С тех пор как мое имя стало широко известно из-за совершенных мною необъяснимых чудес, я узнал множество странных историй, которые люди рассказывали мне, считая их как-то связанными с моими интересами и делами. Некоторые были банальны и не имели ко мне отношения, другие весьма драматичны и захватывающи, третьи таинственны и страшны, четвертые подвигали меня на серьезные занятия наукой и историей. О многих я уже рассказывал и буду рассказывать без всякой опаски, но одну я вспоминаю с большой неохотой, и если делаю это сейчас, то после настойчивых уговоров редакторов журнала, которые кое-что слышали о ней от членов моей семьи.

То, что я до сих пор хранил в тайне, имеет отношение к моей неделовой поездке в Египет четырнадцать лет назад, а молчал я об этом по нескольким причинам. Во-первых, ни к чему мне было делать достоянием туристов, мириадами толпами осаждающих пирамиды, несомненно реальные факты, тщательно скрываемые властями Каира, которым они так или иначе не могут не быть известны. Во-вторых, мне не хотелось рассказывать о событии, большую роль в котором, возможно, сыграло

мое собственное воображение. Того, что я видел... или думал, что вижу... на самом деле не было. Скорее всего, это результат моих занятий египтологией и навеянных ими размышлений, к которым меня не могла не подталкивать тамошняя обстановка. Мое воображение, подогретое реальным и ужасным событием, несомненно, стало причиной кошмара, случившегося в ту давнюю ночь.

В январе 1910 года, завершив выступления в Англии, я подписал контракт на турне по австралийским театрам. Времени у меня хватало, и я решил доставить себе удовольствие и немножко попутешествовать. Вместе с женой мы самым приятным образом добрались до континента и в Марселе поднялись на борт парохода под названием «Мальва», портом назначения которого был Порт-Саид. Оттуда я намеревался начать посещение главных исторических достопримечательностей Нижнего Египта, а потом плыть в Австралию.

Путешествие меня не разочаровало, тем более что время от времени оно оживлялось забавными происшествиями, выпадающими на долю любого мага, даже если он отдыхает. Ради собственного спокойствия я намеревался сохранить свое имя в тайне, однако меня подвел мой коллега, который до того старался поразить пассажиров незамысловатыми трюками, что я не удержался и, естественно, превзошел его, погубив свое инкогнито. Я упоминаю об этом из-за тех последствий... последствий, которые я должен был предвидеть, прежде чем снимать маску перед целым пароходом туристов, готовых вот-вот разбрестись по Нильской долине. Увы, куда бы мы с женой теперь ни направлялись, впереди нас летели слухи, лишавшие нас уединения, о котором

мы мечтали. Затеяв путешествие, чтобы посмотреть на достопримечательности, я сам стал чем-то вроде достопримечательности.

Мы поехали в Египет ради экзотики и мистики, но когда прибыли в Порт-Саид и пересели в лодки, то почувствовали разочарование. Низкие песчаные дюны, буйки в мелкой воде и скучный городок, словно перенесенный из Европы, если не считать громадной статуи де Лессепса, подвигли нас немедленно ехать туда, где мы могли бы найти что-нибудь более интересное. Подумав, мы решили ехать в Каир к пирамидам, а потом в Александрию, где наверняка можно было бы перехватить австралийский пароход, а тем временем осмотреть греко-римские достопримечательности, которыми пожелала бы порадовать нас древняя метрополия.

Железнодорожное путешествие тоже оказалось сносным и заняло всего четыре с половиной часа. Мы порядком нагляделись на Суэцкий канал, вдоль которого ехали до самой Исмаилии, да к тому же ощутили вкус старого Египта благодаря восстановленному каналу с пресной водой, прорытому в эпоху Среднего царства. Наконец в сгущавшихся сумерках показали огни Каира, и далекое созвездие, приблизившись, ослепило нас на великолепном Центральном вокзале.

Однако и здесь нас вновь постигло разочарование, потому что все, кроме одежд и толп, было в европейском стиле. Обыкновенный подземный переход привел нас на площадь со множеством экипажей, такси и трамваев, залитую ярким светом с высоких зданий. Тот самый театр, в который меня безуспешно приглашали выступать и в котором я потом побывал как зритель, оказался переименованным в «Амери-

канский космограф». Решив остановиться в отеле «Пастух», мы взяли такси, которое прокатило нас по широким благоустроенным улицам, а отличный ресторанный сервис, лифты и обычная англо-американская роскошь отдалили от нас таинственный Восток и незабываемое прошлое.

Однако на другой день мы с радостью окунулись в атмосферу «Сказок тысячи и одной ночи». В кри-вых улочках и экзотических контурах Каира как будто вновь ожил Багдад Гаруна аль-Рашида. Ведомые «Бедекером», мы шли на восток мимо Эзбек-ийских садов вдоль Муски в поисках настоящего восточного квартала и вскоре попали в руки бойкого чичероне, который, что бы потом ни было, показался мне мастером своего дела.

Только много позже мне пришло в голову, что я должен был нанять настоящего гида еще в отеле. Этот же тщательно выбритый и довольно чисто одетый человек со странным пустым голосом выглядел как фараон и называл себя господин Абдулла Раис эль-Дрогман. По-видимому, он имел власть над себе подобными, хотя потом полицейские заявили, будто его не знают, а господином каждый может себя назвать, тогда как Дрогман — всего-навсего искаженное *драгоман*, то есть гид.

Абдулла показал нам такие чудеса, о которых прежде мы только читали и мечтали. Старый Каир — волшебная книга грез с лабиринтами узких улочек, благоухающих таинственными ароматами, с причудливыми балконами и эркерами, почти сходящимися над булыжной мостовой, с неуправляемыми потоками машин, со странными воплями, щелкающими бичами, скрипящими телегами, звонкими монетами и кричащими ослами, с калейдоско-

пом ярких балахонов, с чадрами, тюрбанами и фесками, с разносчиками воды и дервишами, собаками и кошками, предсказателями и брадобреями, а над всем этим — заунывные причитания скорчившихся в нишах слепых попрошаек и печальные речитативы муэдзинов на минаретах, изящно вычерченных на фоне неизменно голубого неба.

Крытые и более спокойные базары оказались не менее привлекательными. Пряности, духи, благовония, ковры, шелка, медная утварь... Старый Махмуд Сулейман сидит, скрестив ноги, среди своих ароматных бутылок, а болтливые юнцы толкут горчичные зерна в коринфской капители старой колонны, вероятно римской, привезенной из соседнего Гелиополя, где Август когда-то держал один из трех своих египетских легионов. Древность начинает смешиваться с экзотикой. А еще мечети и музеи... Мы осмотрели их все и постарались сохранить веселое настроение, несмотря на темные чары фараонова Египта, представленного в бесценных музейных сокровищах. Большого мы не желали и потому предались осмотру средневековой роскоши сарацинских халифов, чьи великолепные надгробия-мечети составляют сверкающий сказочный некрополь на краю Аравийской пустыни.

Наконец Абдулла повел нас по улице Мохаммеда-Али к старинной мечети султана Хасана и к башням Баб-аль-Азаб, за которыми круто вверх идет между каменными стенами дорога к могучей крепости, построенной самим Саладином из камней разрушенных пирамид. Солнце садилось, когда мы забрались на вершину, обошли кругом современную мечеть Мохаммеда-Али и, стоя у парапета, с головокружительной высоты поглядели на таинственный

Каир... на сверкающий золотом резных куполов таинственный Каир с его бесчисленными минаретами и огненными садами.

Вдали поднимался над городом огромный романский купол нового музея, а еще дальше, на другой стороне загадочной желтой реки Нил, которую египтяне считают матерью времен и царских династий, затаились грозные пески Ливийской пустыни, катящиеся волнами, меняющие цвет, страшные своими тайнами.

Красное солнце опустилось совсем низко, уступая место безжалостному холоду египетской ночи, и, когда оно встало на краю земли, подобно Ра-Хоракти, или Солнцу Горизонта, древнему богу Гелиополя, мы увидели на фоне медного всепожирающего огня черные линии пирамид Гизы — палеологических гробниц, которым было много тысяч лет, когда Тут-Анх-Амон поднялся на золотой трон в далеких Фивах. Тогда мы поняли, что с нас хватит сарацинского Каира и мы должны познать более давние тайны настоящего Египта — черного Кема, богов Ра и Амона, Исиды и Осириса.

Наутро мы посетили пирамиды, на «виктории» пересекли остров Гезиру, на котором растут могучие лебахии, по небольшому английскому мосту переправились на западный берег. Мы ехали вдоль берега между двумя рядами могучих лебахий, мимо просторного зоологического сада в сторону Гизы, которая с тех пор соединена с Каиром новым мостом. Потом мы повернули и поехали по Шариа-эль-Харам, пересекли район неподвижных, словно стеклянных, каналов и нищих деревушек, пока впереди не показалась цель нашего путешествия, проступая сквозь утренний туман и в перевернутом виде отра-

жаясь в придорожных лужах. «На нас взирают со-рок веков», — говорил тут Наполеон своим солдатам.

Дорога круто шла вверх, пока мы не добрались до места пересадки между троллейбусной станцией и отелем «Менахаус». У Абдуллы, в мгновение ока купившего нам билеты на осмотр пирамид, по-видимому, были свои отношения с крикливыми и грубыми бедуинами, которые жили в нищей деревушке неподалеку и приставали ко всем путешественникам без разбору, ибо он без особых хлопот удерживал их на расстоянии и даже раздобыл для нас пару великолепных верблюдов и осла для себя, да еще задорого нанял несколько мужчин и юношей приглядывать за ними, но они оказались для нас малополезными. Расстояние, которое нам предстояло преодолеть, было столь невелико, что мы могли бы обойтись и без верблюдов, однако мы без сожаления прибавили к нашим познаниям еще этот довольно неудобный способ передвижения по пустыне.

Пирамиды стоят на высоком каменном плато рядом с самым северным из царских и аристократических погребений, построенных в окрестностях ныне не существующего Мемфиса, который располагался на том же берегу Нила, что и Гиза, но немного южнее, и процветал между 3400 и 2000 годами до Рождества Христова. Самая большая пирамида, которая ближе всего к новой дороге, была построена фараоном Хеопсом, или Хуфу, около 2800 года до Рождества Христова, она поднимается на высоту более чем 450 футов. В одном ряду с ней, но дальше на юго-запад, находится вторая пирамида, построенная следующим поколением по приказу фараона Хафры, и хотя она немного меньше, но кажется больше, потому что стоит на более высоком месте.

И дальше в этом же ряду стоит третья пирамида, которая намного меньше первых двух, пирамида фараона Микерина, построенная около 2700 года до Рождества Христова. У края плато и к востоку от второй пирамиды находится, возможно с измененным лицом, которому пытались придать сходство с его царственным реставратором Хафрой, чудовищный сфинкс — немой, злобный, таящий в себе знания тысячелетий.

Здесь же есть более мелкие пирамиды и руины более мелких пирамид, и повсюду на плато находятся захоронения представителей нецарственных фамилий. Они изначально были помечены *мастабами*, каменными скамейками, поставленными над глубокими захоронениями, как на других мемфисских кладбищах, представленных надгробием Пернеба в музее Метрополитен в Нью-Йорке. В Гизе же все видимые сооружения были уничтожены временем и мародерами, и только шахты, засыпанные песком или расчищенные археологами, указывают на их местопребывание. Рядом с каждым захоронением находилась молельня, в которую священнослужители или родственники приносили еду и в которой молились *ка*, или жизненной силе усопшего. В небольших захоронениях молельни располагались в каменных *мастабах*, или надстройках, но молельни пирамид, в которых покоились фараоны, сооружались отдельно — каждая к востоку от своей пирамиды, и все они соединялись дорожками с довольно массивной входной молельней, или пропилеями, на краю каменного плато.

Молельня, что ведет ко второй пирамиде, почти погребенная под неугомонными песками, неожиданно разверзает свои недра к юго-востоку от

сфинкса. Традиционно ее называют храмом Сфинкса, и, возможно, в этом есть смысл, если сфинкс представляет строителя второй пирамиды Хафры. О сфинксе, который был до Хафры, сохранились малоприятные легенды, но, каковы бы ни были его черты, фараон заменил их собственными, чтобы люди могли смотреть на колосса без страха.

Диоритовая статуя Хафры, которая нынче хранится в Каирском музее, была найдена в большом храме при входе, и перед этой статуей я стоял в благоговейном трепете. Не знаю, все ли теперь перенесено в музей, но в 1910 году многое еще оставалось в подземелье, и вход, как правило, надежно перекрывался на ночь. Раскопками занимались немцы, так что, возможно, война помешала им закончить работу. Многое бы я отдал, если учесть мой собственный опыт и разговоры бедуинов, мало кому известные в Каире, чтобы узнать, что случилось с одним из колодцев в поперечной галерее, где были найдены статуи фараона в довольно странном соседстве со статуями бабуинов.

Дорога, по которой мы ехали на наших верблюдах в то утро, резко поворачивала на юг, а потом на восток, минуя оставшиеся слева деревянное здание полицейского участка, почту, аптеку и магазины, и мы оказались у подножия Великой пирамиды лицом к лицу с пустыней. Мы ехали мимо этого жилища Циклопа, огибая его с восточной стороны, а впереди лежала долина небольших пирамид, за которыми на востоке сверкал вечный Нил, а на западе золотилась вечная пустыня. Три главные пирамиды были совсем близко, и у самой большой из-за полного отсутствия внешней облицовки обнажились каменные блоки, но у двух других облицовка кое-где со-

хранилась, и можно было представить, какими гладкими они были в свое время.

Потом мы спустились к сфинксу и молча сидели, замороженные страшными невидящими глазами. На широкой каменной груди мы с трудом различили знак Ра-Хорахти, за изображение которого сфинкса принимали во времена ушедшей династии, и, хотя песок покрывал площадку между огромных лап, мы вспомнили, что Тутмос IV начертал на ней и что привиделось ему, когда он еще был принцем. Тогда улыбка сфинкса немного смутила нас и заставила вспомнить легенды о подземных переходах под чудовищным существом, которые вели все дальше и дальше в такие глубины земли, о которых никто и помыслить не смел и которые хранили тайны более древние, чем открываемый археологами династический Египет, и связанные с богами, у которых были головы животных, в древнем пантеоне Нила. И тогда я задал себе праздный вопрос, зловещее значение которого стало ясно мне лишь много часов спустя.

Мы шли по дороге к засыпанному песком храму Сфинкса, который стоял в пятидесяти ярдах к юго-востоку и о котором я уже упомянул, назвав его великими воротами к молельне второй пирамиды на плато. Большая его часть все еще была засыпана, и, хотя мы спешили и по современной дороге прошли в алебастровый коридор и холл с колоннами, я чувствовал, что Абдулла и немецкий смотритель показывают нам не все.

Потом мы совершили обычную прогулку по плато, осмотрели вторую пирамиду и живописные развалины ее погребального храма чуть к востоку и третью пирамиду с ее храмом и миниатюрными пира-

мидами дальше к югу. Осмотрели также каменные погребения с усыпальницами четвертой и пятой династий, а также со знаменитой гробницей Кэмпбелла, зияющей черным провалом в пятьдесят три фута до страшного саркофага на дне, который один из наших погонщиков, спустившись на головокружительную глубину на веревке, очистил от песка.

От Великой пирамиды до нас донеслись крики. Это бедуины осадили группу туристов, предлагая им проверить, с какой скоростью можно подняться и спуститься с пирамиды. Рекорд составлял семь минут, однако многие сильные шейхи и сыновья шейхов уверяли, будто им хватит и пяти минут, если они получат для стимула *бакиши*. Они ничего не получили, зато мы позволили Абдулле сопроводить нас на вершину пирамиды, откуда открывался ни с чем не сравнимый великолепный вид на сверкающий Каир на фоне неприступных золотисто-фиолетовых гор и на все пирамиды Мемфиса от Абу-Роаш на севере до Дашур на юге. Ясно и заманчиво вырисовывалась на фоне песков ступенчатая пирамида Сахры, которая является переходной от низкой *мастабы* к настоящей пирамиде. Возле этого памятника переходной эпохи было найдено знаменитое захоронение Пернеба... более чем в четырех сотнях миль к северу от фиванской горной долины, где спит Тут-Анх-Амон. И вновь я будто онемел, охваченный благоговейным трепетом. Картина подобной древности, да еще тайны, которые хранил каждый из этих почтенных памятников, наполняли меня таким благоговейным ощущением бесконечности, какого я никогда не испытывал.

Уставшие после восхождения и измученные докучливыми бедуинами, поведение которых перехо-